

Николай Погребняк

ПАСТОРЫ В ОШЕЙНИКЕ ДЬЯВОЛА

Повесть

Новокузнецк
Издательство «Союз писателей»
2018

УДК 82-31
ББК 84 (2 Рос=Рус)
П43

Погребняк Н. И.

П43 Пасторы в ошейнике дьявола: Повесть. – Новокузнецк:
Издательство «Союз писателей», 2018. – 72 с.

ISBN 978-5-00073-899-3

В книге рассказывается о том, с какой целью западные религиозные организации тратят сотни тысяч долларов на создание своих реабилитационных центров для наркоманов на базе российских протестантских церквей, а также о пасторах, которые ради денег этих организаций стали «Иванами, родства не помнящими».

**УДК 82-31
ББК 84 (2 Рос=Рус)**

© Погребняк Н. И., текст, 2018
© Погребняк Н. И., иллюстрации, 2018
© Издательство «Союз писателей»,
оформление, 2018

ISBN 978-5-00073-899-3

О ТЬМЕ ТАМ, ГДЕ ДОЛЖЕН БЫТЬ СВЕТ. О ЗЛЕ ТАМ, ГДЕ ИЩЕШЬ ДОБРА

Человек привык видеть обёртку и редко задумывается о её содержании. Он слышит сладкие речи и верит им на инстинктивном уровне. Он замечает блеск и следует за ним, не обращая внимания на то, что тот скрывает. Но, к сожалению, Тьма таится даже там, где должен быть лишь Свет. Обман способен прокрасться туда, где мы ждём откровения.

На примере западных религиозных организаций, которые в девяностые годы после падения «железного занавеса», когда наши люди были в наименьшей степени защищены психологически от давления, когда они легче всего поддавались внушению, так как не успели найти своё место в новом мире, когда их вера была слаба, а знания о религии и божественной истине поверхностны, Николай Погребняк на страницах книги «Пасторы в ошейниках дьявола» пытается показать самое дно человеческой души в противовес вечным ценностям и предостеречь тех, кто однажды может встать на скользкий путь, ведущий в бездну.

«Говоришь, что удивляешься тому, что члены церкви ничего не видят? Я направил твой взор не на лицевую сторону медали, а приоткрыл её обратную сторону, то есть тайные помыслы и келейные дела пастора Януса и его помощников, поэтому ты и можешь судить о них истинно. А большинство людей не только ничего не знают об этой тайной их жизни, даже не предполагают о её существовании», – устами своего героя говорит писатель.

Словно осенние листья, кружатся между строками воспоминания, создают знакомую атмосферу недалёкого про-

шлого, ставят неожиданные вопросы и в конечном итоге складываются в единую картину бесчестия и позора, пятна которых не вывести ни красивыми словами, ни пустыми обещаниями.

На страницах этой книги возвышенное противопоставляется самому низменному, правильное – ложному. Ощущаются остро патриотические чувства писателя, его глубокая любовь к людям своей страны, негодование перед теми, кто губит их души, обещая всяческие блага, а принося с собой лишь ужас, боль и смерть.

«Докажи, что реабилитационные центры, создаваемые у нас по инициативе западных религиозных организаций, губят людей!» – потребует читатель, когда поймёт, чему конкретно посвящена эта книга. И конечно, человеку мыслящему, способному анализировать, верящему в Добро, трудно представить, как тот, кто поклялся служить Господу, попирает Его заповеди. Тут и правда нужны весомые доказательства, которые автор старается дать, опираясь на известные ему, как человеку, знакомому с церковью изнутри, факты, но одев их в цветные одежды художественного вымысла. Не пытаясь скрасить или замаскировать правду, но и страшась не быть достоверным или убедительным, а потому вынужденный стать прямолинейным, иногда даже жёстким в своих суждениях.

Повествование ведётся последовательно, дабы каждый мог сопоставить факты, проанализировать их и сделать самостоятельные выводы, основанные не на эмоциях, а на доводах рассудка. Есть в истории «во-первых», «во-вторых», «в-третьих», может, не везде и не всегда выделенные конкретно, но априори понятные. Ибо, ведя рассказ в форме диалога героев, Николай Погребняк каждую свою мысль стремится сделать не только правдивой и убедительной, но

и логичной, дабы никто не мог обвинить его в подтасовке фактов, в иррациональности и желании видеть лишь одну сторону медали. И читатель, следуя за ходом мысли автора, также раскладывает по полочкам полученную информацию: «Во-первых, нужно обратить внимание на то обстоятельство, что заокеанские спонсоры жертвуют деньги не вообще российским протестантским церквям и не на гуманитарную помощь для нуждающихся стариков и инвалидов, а только на определённые программы, такие как протестантские библейские школы и протестантские реабилитационные центры». Ключевым словом здесь является «протестантские». Он проводит грани между хорошим и плохим и пытается посмотреть глубже не только на персонажей или какие-то конкретные ситуации, но прежде всего на самого себя, дабы убедиться, что не проникла Тьма ни в его душу, ни в его жизнь. И тем самым даёт пример читателю сделать то же самое.

Николай Погребняк является хранителем традиционных Христианских ценностей. Он – автор множества статей, посвященных популяризации Христианского учения, и в то же время – создатель динамичных, ярких, эпических произведений. Эти, казалось бы, противоречивые стороны его натуры и творчества отражены на страницах книги. В результате читатель полностью погружается в мир героев, чувствует движения их душ, соболезнает, сопереживает, ужасается и уже не может просто закрыть глаза и вернуться в бездумный уютный мирок, когда последняя страница подойдёт к концу. Но чтобы полностью понять и осознать, о чём с ним будут говорить в книге «Пасторы в ошейнике дьявола», человеку придётся хотя бы на время забыть о политических, экономических и прочих воззрениях. Отрешиться от новостей, которые насаждаются по телевидению или в Интернете, и

начать думать самостоятельно, без посторонней помощи, ни в чём не зарекаясь, ни от чего заранее не отказываясь, не заикливаясь и мысля исключительно здраво, но памятуя о главных персонажах истории – ДОБРЕ и ЗЛЕ, как о двух сторонах любой медали, будь то жизнь, церковь или душа.

*Екатерина Кузнецова, рецензент
издательства «Союз писателей»*

ПАСТОРЫ В ОШЕЙНИКЕ ДЬЯВОЛА

НАТАШКИН ДНЕВНИК

– Галя, здравствуй!

– Коля?! Неужели это ты?! – оглянувшись на оклик и взглядевшись, громко и радостно воскликнула женщина, деловито шедшая вдоль поезда, только что прибывшего из Кисловодска.

– Коля, дорогой, как я рада видеть тебя! – с восклицанием, нет, сильнее, – с радостным воплем бросилась она на шею; при этом её пустое ведро со всего маху треснуло меня под лопатку.

– Ой, сколько лет мы не виделись?! Лет пятнадцать, не меньше! – затараторила она, отступив на шаг и беззастенчиво разглядывая меня. Пред её взором предстал стареющий мужчина с профессорской бородкой и поавторитетневший на... – не стану уточнять, на сколько килограммов.

Галя же ничуть не изменилась: как была стройной, порхающей болтушкой-веселушкой, так и осталась. Пожалуй, только взгляд повзрослел.

– Ты кого-нибудь встречаешь здесь? – спросил я.

– Да нет, пришла к поезду купить вишни. Раньше никогда не ходила, а тут как будто кто позвал... вот и встретились. А ты, вижу, приехал с юга. Был в отпуске?

– В отпуске. Только не на море, а в деревне у родителей. Дом им снаружи подштукатурил, побелил, да к зиме...

– Как я рада! Ведь как вы переехали, я ни адреса, ни телефона ни у кого не могла узнать, а потом и мы переехали, – весело перебила меня Галя. – Ты не торопишься?

– Нет, но чем мешать людям здесь, на перроне, или так, наскоком, пока мой поезд стоит на перроне, приезжай лучше к нам в гости, мы с Верой будем очень рады.

Обменявшись адресами и номерами телефонов, мы расстались. Расстались, чтобы вскоре встретиться. Так, волею случая возобновилось наше старинное знакомство. Много воды утекло с той поры, мы живём в другом городе, а увидел Галя – как будто вчера расстались.

Когда приехала долгожданная гостья, началось: «А помнишь?! А слышала?»

– Коля, ты случайно не знаешь, с кем из церковной молодёжи в свои последние месяцы общалась Наташка, ведь её мама, кажется, ходила в ту же церковь, что и вы с Верой? – когда мы углубились в воспоминания, спросила Галя.

Середина девяностых – невероятно трудная и в то же время чрезвычайно интересная тогда была жизнь. Неистовые девяностые!

– Из ваших церковных она ни с кем не общалась (в ту пору Галя ходила в протестантскую церковь, потом уехала к родителям, потом снова вернулась, но ходить начала уже в православную церковь, где мы и познакомились), но я помогал её маме с похоронами, и она давала почитать дневник своей дочери, – ответил я, а сам подумал, что с тех пор почти не вспоминал про Наташку. Не Наташу, не Наталью, а именно Наташку, полную противоречий чудную девчонку Наташку – именно так называла свою дочь её мама, именно так называли её друзья.

– Ой! Как бы и я хотела увидеть тот дневник! – вспыхнула, но сразу же угасла, обмякла Галина.

– Погрузилась в себя наша Галка – бойкая женщина, закалённая трудностями жизни. Как она иронично говорит о себе: «женщина с замороженной молодостью».

Видя резкую перемену настроения, я было подумал, что понимаю почему: сколько бы лет не прошло, ни радость, ни тем более причинённая душевная боль не исчезают бесследно. Текущие житейские хлопоты могут припорошить память, но стоит дунуть ветру воспоминаний, и вот они – верхушки «камней» былых переживаний.

– А зачем тебе – ради удовлетворения своего бабьего любопытства?

– Не обижай меня, ведь она, её слова и дела оставили в моей жизни очень глубокий след. Я тогда не понимала, насколько глубокий.

– Извини, пожалуйста, за глупый вопрос! Дневника, конечно, у меня нет, но, прочитав, я тогда сделал для себя конспект. Сейчас отсканирую листочки и распечатаю для тебя.

Дальше по традициям литературного жанра должен появиться пыльный чердак и с трудом найденный в сундуке (желательно, на самом его дне) блокнот и прочая экзотика. Но ничего такого не было. Оставив Галя и свою жену Веру пошебетать об их «женском», я вышел в другую комнату. Быстро нашёл в книжном шкафу нужную папку-скоросшиватель и достал из неё мультифору с литературными заметками о Наташке.

У меня в руках – пожелтевшие листы дешёвой бумаги с напечатанным на печатной машинке текстом. Перелистываю их, глаза пробегают по страницам, но душа не рвётся читать. Вместо чтения – воспоминания. Даже про сканирование забыл.

Как уже сказал, дело было в середине девяностых. Люди постарше помнят, как тогда мы всей страной не получали зарплаты, как жили на одной лапше, разбавляя её тем, что не успели спереть с наших дачных участков «добрые люди». И вот в ту «золотую пору» в протестантскую церковь, в кото-

рую зазвала Галю её подруга, приехал из Америки некий миссионер и предложил организовать центр по реабилитации наркоманов и алкоголиков. Пастор и епископ тут же согласились, подобрали денег (сумму, равную примерно полутора тысячам долларов – по тем временам казалось, что это большие деньги), за мизерную зарплату призвали троих прихожан для работы в этом так называемом Центре и привели с улицы шестерых наркоманов – четырёх парней и двух девушек. Ни помещений, ни даже средств на пропитание у них не было, поэтому перебивались натуральными пожертвованиями членов церкви. Для парней сняли комнату, а девушек пустила к себе наша Галя-Галочка. Как объяснил ей пастор, тех девушек надо пустить к себе ради странноприимства. Естественно, вскоре авантюра развалилась, наркоманы разбежались, работников уволили, а Галя хватилась – украдены все зимние вещи – всё, что было поновее.

Что на это сказать? Если с грустной иронией, то наркоманы обворовали её ещё милостиво, не всё вынесли из дома: так сказать, «отблагодарили» за гостеприимство и хлеб-соль. Но то были наркоманы, а как назвать церковнослужителей, втянувших людей в такую авантюру?..

Старые листочки всколыхнули душу, я и сам не заметил, как погрузился в чтение.

«Мы верим» – так Наташка назвала свой дневник. Название дневника звучит обнадеживающе. Звучало...

Вспомнились, как будто всплыли пред глазами старательные буквы на обложке дневника – тонкой школьной тетрадки в клеточку, – по контуру обведённые красной пастой.

«15 октября. Так получилось по милости Божьей, что я здесь, в Программе. Когда дошла до края, когда ничего уже не приходило в голову, как покончить со своей никчёмной жизнью, я оказалась здесь.

Я искала любви везде и по-всякому, но не нашла. Не нашла! Хотела заглушить боль души наркотиками, но вскоре получила новые боли, моральные и физические. Тогда решила заработать много денег, чтобы красиво выглядеть: может, в этом счастье? Но вышло так, что все деньги ушли на то, чтобы колоться.

Два раза лечилась в наркодиспансере. Претерпевала ломку, но оставалась психическая зависимость, и голос внутри говорил, что нет спасения. Чтобы забыть кайф, нужно отрубить себе голову, тогда точно не будешь об этом думать. Когда выходила из больницы, ласковый голосок внутри внушал: «Вспомни, как было здорово! Тем более с одного раза с тобой ничего не случится. Вспомни всё, ведь это твоя судьба». И я снова и снова поддавалась на обман. Так или иначе, но всё шло к смерти. После очередного... приходила домой и плакала в отчаянии, но что-то удерживало, не давало покончить с собой. И я стала откладывать своё решение: всё, завтра точно. Но пока промотаешься в поисках, день уходит и снова на завтра...» – так Наташка начала свой дневник – небольшой по объёму, но так много вместивший в себя – целую жизнь.

Может, кому из читателей и не понравится, что я отвлекаюсь, не цитирую конспект полностью, – увы, как сам перечитывал его с остановками, с размышлениями, так и цитирую.

Для кого она писала – для себя или для посторонних глаз? Наверное, для себя, но и для других, как некую апологию. Апологию даже не столько за себя, сколько за сотни тысяч юношей и девушек, в те годы наполнивших своими телами кладбища нашей страны. Если не так, то не только не стоит, а даже преступно обнародовать её мысли, её переживания.

Итак, апология. Повествование о той стихии эмоций, мечтаний и неразберихи, творившихся в голове и сердце ге-

роини рассказа, о её суждениях, взятых, с одной стороны из горького жизненного опыта, а с другой – из услышанных проповедей.

«21 октября. Господь услышал мои мольбы о смерти, я говорила: “Господи, возьми меня, в смысле на тот свет”, – и Он взял, только не в смерть, а к Себе. Может, не хотел, чтобы я пошла в ад. Спасибо Господу Богу! Он свёл меня с людьми, которые привели меня в церковь и в Программу. Если бы не Бог, я бы даже ломку не выдержала, сразу же ушла бы. Но мы молились, и её как таковой не было.

Дьявол тоже не дремал, он нагнетал воспоминания и желания, чтобы увести назад, в грех и в смерть, но у Бога, видимо, всё же есть план для меня, поэтому я здесь, я осталась...

Теперь расскажу о своей жизни в Программе (в Центре реабилитации). Уже больше двух месяцев, как я молюсь, но ещё не очень хорошо получается – в основном, языком говорю, а сестра из церкви учит, чтобы уста от сердца говорили. По мирской музыке и телевизору сильно скучаю: не считаю, что мне это может помешать. Курить не курю, материться не матерюсь, – слава Богу! Даже не ругаюсь, сердиться приходится иногда, но быстро остываю. Чувствую конкретные изменения и на самом деле думаю, что всё это заслуга Духа Святого. Аллилуйя! Всё так же крашусь (как в миру), но здесь некого привлекать, просто осталась привычка к макияжу и желание одеваться по своим вкусам. Шутки остались, иногда за них мне стыдно перед братьями и сёстрами в церкви. Всё это я записываю, чтобы увидеть изменения во мне.

У меня в церкви чудесные сёстры и братья, но в голову лезут всякие мысли: да вот они... или да вот ты... Грешные мысли.

С сегодняшнего дня я решила делиться с Господом всем, даже тайным, тем более что Он и так всё видит и слышит, что бы я ни думала. Я люблю Бога, но на втором месте (мне нравится...). Буду и дальше вести дневник, а сейчас откровенный разговор с Богом (молитва), во всяком случае, я на это настроена.

24 октября. Сегодня не было занятий. Потом взяла и обиделась на всех, и было так плохо, и я не пошла на вечернее служение в церковь. Хочу побыть с Богом, Он у меня единственный друг, который выслушивает и воспринимает меня такой, какая есть. Оставшись одна, поняла, что только Он не оставил меня из-за моего психа. Почувствовала Его тепло и начала понимать, что начинаю Его любить всё крепче и крепче, и меня это не пугает, а радует. Он меня не бросит, что бы ни случилось.

В последнее время мне стало страшно общаться с кем-либо. Шутки мои неуместны, и к братьям я не имею права подходить – так нам сказал директор Программы. Я с этим не согласна, ведь я подходила поговорить без всяких таких мыслей».

«Какие разные настроения и в то же время, какая откровенность!» – удивился я, читая дневник. Сначала я читал Наташкин дневник и радовался – радовался, даже зная, что произошло потом, в конце. Так заразителен был восторг Наташки 21 октября. Но прошло три дня, и уже – одиночество и унылое нытьё.

По вере ли была её жизнь? Нет. И дело вовсе не в переменных настроениях, а в хрупкости взаимоотношений и с людьми, и с Богом. Пока Господь готов терпеть и принимать её такой, какая она есть, она согласна быть верующей и даже питать к Богу некое нежное чувство, но как только Господь воззвал: «Освятитесь, ибо Я свят!»...

Четвёртая и, к сожалению, последняя запись была сделана спустя месяц.

«28 ноября. Как и думала, что, перечитав свою писанину, надолго отобью желание писать. У меня и сейчас его нет, но чувствую, что надо.

Как рано я обрадовалась добрым переменам, но стоило бросить читать Библию и молиться, как сразу же поняла, что не смогу идти “узким путём”. Думала, что самоконтроля и силы воли хватит, но, Боже мой! Я спохватилась слишком поздно!

Сначала дьявол (а может, моя похоть, не знаю) предложил посмотреть телевизор – я смотрела всё подряд – “ела его глазами”; тем более что мы жили на квартире у Гали и телевизор был под рукой. Появились мысли о том, что всё-таки там, в миру, здорово. Стоило мне разоблачить, что телевизор делает работу сатаны и помолиться, пришло следующее испытание. Занятия у нас прекратились, стало много времени, а телевизор не хочу. И тогда, подловив момент, дьявол подослал мне парня, ушедшего из мужской Программы. Он позвонил, и, когда я выглянула в подъезд, сидел у окошка, делал себе укол и не мог, все вены попробовал. Может, ждал, что и я захочу, но у меня обратная реакция – такая неприязнь, как он посмел прийти и дразнить?! Потом он попросил уколоть его, не знаю зачем, но я согласилась и потом об этом сильно пожалела. Вечером в памяти чувственно ощущалась та “машина” в пальцах, тот холодок от дозы. Это было мучительно. Я опять молилась, но молитва не шла: слова как будто прилипали к языку.

На другой день, когда инструктор вышла по делам, снова – звонок в дверь. Открыв дверь, увидела, как потом поняла, “дьявола во плоти” – это был мой любимый парень из мира. Он пришёл уколотый и принёс дозу, и произошло

то, чего я так боялась. Я даже не пыталась отказываться: второй раз он бы не предложил, но, главное, второй раз уже не пришёл бы никогда.

Почему я решила, что это от дьявола? Да потому, что после первого укола он вышел и через пять минут, если не меньше, принёс ещё два куба. Нам стало хорошо, никаких проблем. Закрылись, закурили. В дверь звонили, стучали, но я не хотела открывать, я боялась, что всё закончится – закончится эта тишина, покой и целая пачка сигарет. Курила одну за другой – такое ощущение, что я ими дышала.

Представляю, как Бог на всё это смотрел.

Теперь я мучаюсь, мне стыдно, даже не знаю, как выразить. А ещё я не знаю, как быть дальше. Тогда, когда была с Господом, казалось, я летала, а теперь хоть бы голову поднять. Обидно – попалась в смертельную ловушку дьявола, как мышь на кожурку от семечки. Боюсь, что начну сомневаться в своём возвращении к Богу, боюсь обратиться к сёстрам из церкви. Буду молить Господа о пощаде».

Я дочитал последний листочек и аккуратно, даже с каким-то внутренним трепетом, положил его на место.

Дальше Наташка дневника уже не вела, наверное, утратила надежду.

За свой проступок она была исключена из реабилитационного центра. И вскоре вернулась к наркотикам, вообще перестала общаться с верующими. Через полгода она умерла – покончила жизнь самоубийством, выпив таблетки. Перед этим они с подружкой купили наркотики, и Наташка уколола ей «передозировку», от которой та скончалась.

Когда по просьбе её матери мы забирали Наташку из морга, там лежало ещё семь молодых людей, умерших от наркотиков. В гроб, по принятому в мире обычаю, её, как незамужнюю девушку, положили в белом подвенечном платье. Но мне запал в память её паспорт – он был совсем но-

вый, ещё почти никаких отметок, ей шёл двадцать первый год – самое начало жизни...

Если оценивать Наталью буквой закона, то какая будет запись в книге её жизни? Наркомания, воровство, проституция, непреднамеренное убийство и, наконец, самоубийство, – столько грехов, да ещё каких грехов, на одну юную душу. Неужели и её любил Бог? Ладно, Бог – Он всех любит – и её тоже любил. Но люди – неужели *такую* могли любить люди? И могли, и любили. Не потому, что написано: «Возлюбите!», а потому, что её легко было любить. Душевная искренность и отзывчивость в Наташке непостижимейшим образом умудрились совместиться с эгоизмом и злыми делами. Как выразился герой одного мультфильма: «Ну и что, что жадничаю, зато от чистого сердца!»

Она заразительно хотела любви, беззаветной любви, но сама не могла, да, наверное, никогда и не думала подарить такую беззаветную любовь. Она заразительно хотела счастья и радости, но пожертвовать чем-то своим для счастья и радости других ей даже не приходило в голову. Скорее всего, за стремление к светлomu, за её мечты любили Наташку окружающие.

На стол собрали во второй раз и позвали меня ужинать. Действительно, что-то я засиделся, и стало неудобно перед гостями: столько лет не виделся, а я всё не выхожу из своей комнаты. Галя, наверное, думает, что никак не могу найти обещанный дневник. Ладно, пусть лучше так думает, а то совсем бестолково получилось, нашёл время читать.

После ужина, быстро отсканировав и распечатав, передал копию Гале. Она, взяв листочки, тоже не удержалась и тут же стала читать и перечитывать. И лицо её то освещалось внутренним светом, то омрачалось. Галя, дорогая Галя, теперь я понял, почему, узнав, что у меня есть конспект Наташкиного дневника, так дрогнул твой голос. Нет, не оби-

ду ты вспомнила, а шепутную красавицу Наташку, и встрепенулась, надкололась твоя душа. Поверь, дорогая Галина, мне было бы легче видеть, что ты всплакнула, как все бабы.

Я рассказал про судьбу одной девушки, всего лишь одной. Пожалуйста, не делайте обобщений, не ищите морали. Но когда случится у себя в городе или в деревне побывать на кладбище, пройдитесь вдоль могил последней четверти века – сколько там лежит молодых. И, взглянув на одну из таких могилок, подумайте: может, эта девушка была прообразом Наташки? Только подумайте, и ваша душа станет добрее.

Прочитав рассказ, мой старый добрый друг Степаныч удивлённо хмыкнул, потом снова перечитал и спросил: «И как это ты, Николай, умудрился так правдоподобно описать переживания наркоманки, находящейся в реабилитационном центре?» Потом, не дожидаясь ответа, выдал критическое заключение: «Хотя... нет, не очень правдоподобно: Наташка получилась какая-то слишком интеллигентно-ранимая, не верится, что она занималась проституцией ради дозы». И тут же снова опроверг себя: «А с другой стороны, не зря же классик сказал: есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам».

– Не умничай, – перебил я его, – а просто скажи: понравился рассказ или нет?

– Понравился, – уже серьёзно ответил он. Потом, спустя минут пять, не меньше (ох, уж эти паузы Степаныча!), добавил: – Мог бы понравиться, если бы речь в нём шла только о девчонке – наркоманке, искавшей любви и спасения и нашедшей их во Христе, но потом погибшей из-за того, что отступилась от Иисуса Христа и возложила своё упование на человека. Но ты в своём рассказе затронул тему о деятельности реабилитационных центров, создаваемых в протестантских церквях нашей страны по инициативе зарубеж-

ных религиозных организаций. Не зная духовной сути этих центров, или как ты назвал их, Программ, ты решил, что беда с Наташкой случилась лишь из-за того, что у церкви не было денег на создание полноценного реабилитационного центра, развёрнутого не в черте города, а за городом, в какой-нибудь пустующей базе отдыха.

Хотя Степаныч никакого отношения к литературе не имеет, его мнение для меня много значит. Мнение не столько как литературного критика, сколько как человека мудрого, умеющего увидеть глубинную суть проблемы, описанной в том или ином моём произведении.

– Ты прав, – ответил я, – действительно, я мало знаю о реабилитационных программах, создаваемых в протестантских церквях по инициативе западных религиозных организаций. Поэтому и упомянул о Программе лишь вскользь, подобно тому, как драматург упоминает о заднем плане в своей пьесе, сосредоточив основное внимание на диалогах и переживаниях героев. Но если ты считаешь, что не столько друзья наркоманы виноваты в том, что Наташка погубила душу и тело, сколько «задний план», то докажи это. Докажи, что реабилитационные центры, создаваемые у нас по инициативе западных религиозных организаций, губят людей!

– Никому ничего доказывать я не хочу, а вот аргументированно обосновать, почему считаю, что Реабилитационные центры прозападного образца губят души российских людей, попавших в их сети, – это постараюсь сделать, – солидным тоном, дабы я прочувствовал всю серьёзность его слов, ответил друг. – Но с кондачка, в двух словах об этом не скажешь, прежде нужно подумать. Нужно провести анализ тактики деятельности западных организаций, вкладывающих большие деньги в создание реабилитационных центров на базе российских протестантских церквей и выяснить стратегические цели, к которым стремятся эти организа-

ции. Затем нужно понять, чем руководствуются российские пасторы, вступившие в сотрудничество с западными религиозными организациями, и, конечно же, нужно рассказать и о том, с каким душевным и духовным богатством выходят «выпускники», прошедшие программу в этих центрах.

– Тут получится разговор не на один вечер, и материала наберётся на целую книгу, – оставив всякое легкомыслие в предчувствии новой большой работы, – ответил я. Понять, почему западные религиозные, а может, и не только религиозные организации вкладывают в реабилитационные центры для российских наркоманов миллионы долларов, – это не просто любопытно, но и важно. Может, даже жизненно важно для многих и многих наших молодых людей.

Итак, решили, будем писать об этом!

ОХ УЖ ЭТИ ЗАПАДНЫЕ РЕАБИЛИТАЦИОННЫЕ ЦЕНТРЫ!

Вчера мы со Степанычем приняли решение написать книгу о тайных помыслах западных спонсоров, открывающих на базе российских протестантских церквей свои реабилитационные центры для наркоманов.

Ой, извините, дорогие читатели, прежде я должен представить вам Степаныча – своего соавтора и аналитика!

Мы с ним учились в одной группе в институте. Рослый парень с гривой прямых чёрных волос, к которому кличка «Степаныч» приклеилась ещё на вступительных экзаменах – именно таким он вошёл в студенческую жизнь. Уже в ту беззаботную пору ему были присущи такие черты, как цельность характера и бескомпромиссная неприязнь ко всякой душевной подлости и лживости, и в то же время все эти волевые качества каким-то непостижимым образом сочетались в нём с детской мечтательностью, даже ранимостью. До наступления сильных холодов, то есть до наступления настоящих сибирских морозов он ходил в чёрной куртке из толстой кожи. Куртка была изрядно потёртой, но Степанычу она была дороже любой тогда модной фирменной «аляски».

Потом, когда мы учились уже на старших курсах, рассматривая его домашние фотографии, я обратил внимание на шкуру большой рыси, висящую на стене над диваном. На вопрос «Откуда она взялась?» он снял с вешалки свою толстокожую куртку и, показав на выдранный сзади на плече клочок и на процарапанные по спине полосы, сказал, что это следы той рыси.

Степаныч, как и я, был родом из Казахстана. Родители его жили в небольшом рабочем посёлке золотодобытчиков: отец работал водителем на руднике, а мать – учителем русского языка в школе. В свободное время отец любил походить с ружьём по окрестностям, и однажды зимой на него сзади прыгнула с дерева рысь. Но не удержалась и упала: когти проскользнули по заиндевевшей гладкой толстой коже. Отброшенный толчком, отец, падая, успел развернуться и почти в упор выстрелил в неё.

Результат я и увидел на фотографии.

После института по распределению мы были направлены на работу в разные города и на четверть века расстались, только изредка переписывались. Но потом – не знаю, то ли волею судьбы, то ли по Божьему промыслу, снова стали жить в одном городе, и испытанная временем дружба сразу же возобновилась. Только теперь мы дружим уже семьями.

Что ещё сказать? В середине девяностых годов Степаныч стал членом одной из протестантских церквей. Они с женой Любовью (он зовёт её Любавушкой, вот и мы стали называть не Любой, а Любавой) стали ходить туда не из каких-то идейных или религиозных соображений, а просто потому, что собрания этой церкви проходили рядом – через дом от них.

Конечно, то, что мы принадлежали к церквям разных деноминаций, теперь, когда стали встречаться, приводит к спорам по церковным и богословским вопросам. Но, с другой стороны, через наше общение и нашу дружбу мы учимся уважать верующих других христианских деноминаций, если те искренне веруют и любят Господа Иисуса Христа, а также серьёзно и ответственно относятся к учению, к слову Божьему.

Я не оговорился, сказав «принадлежали», ибо в двухтысячных годах Степаныч и Любава вышли из протестантской церкви – Господь вывел их.

– Да, рассказ про Наташку мне понравился, понравился рассказ... – бурча себе под нос эту фразу так, как мы, будучи увлечены работой, напеваем сами себе песенку, собиравшись с мыслями мой друг. Потом выдал: – Хочешь, я расскажу тебе, что было дальше?

– Если ты имеешь в виду мой рассказ, – уточнил я, – то дальше и так всё ясно: Наташка умерла, Галя ушла в православную церковь, вот и всё.

– Нет, я хочу рассказать о той протестантской церкви и о её пасторе: они ведь остались, – уже настроенный по-деловому уточнил мой друг.

– Но ты ведь не мог знать Наташки, потому что она является персонажем художественного произведения, то есть авторского вымысла, а значит, не можешь знать и церкви, – не сдавался я.

– Ну и что. Зато я знаю пастора, чья совесть лишь в силу обстоятельств или Божьего промысла не была отягчена смертью подобных «Наташек», но сам он не только способен на такие авантюры, а всей душой стремится к ним. Дальше ты и сам убедишься, насколько обоснованно я могу назвать этого пастора прообразом того, о котором ты упомянул в своём рассказе. Итак, слушай и записывай! – решительно закрыл нашу полемику Степаныч. – Пастор Янус – о нём я поведаю рассказ – розовощёкий блондин среднего возраста, среднего роста, не скажу, что полный, но довольно солидного вида. Характер у него каменный, всепокрушающий, он не терпит возражений, но почти никогда не проявляет этих своих черт, а искусно скрывает их за маской тихого и мягкого общения, при этом как бы обволакивая волю собеседника. Роспуск реабилитационного центра и смерть Наташки

не привели пастора Януса в уныние, даже ничуть не обескуражили его. Из неудачной попытки создать реабилитационный центр он извлёк для себя не скажу, что урок, а некое правило: чтобы быть успешным в любом деле, даже в церковном служении, прежде всего нужны деньги – много денег. Впитав это правило всей душой, Янус начал искать спонсоров – не для какого-то конкретного дела, а вообще спонсоров. Видя, что в России таковых найти трудно, почти невозможно, он обратил свой взор на Запад. Сначала он предлагал западным партнёрам различные евангелизационные проекты, потом – благотворительные программы, но всё это не привлекало спонсоров, а если и были пожертвования, то были они одноразовыми и очень незначительными. Только через пять лет, после довольно продолжительной поездки в США, Янус приехал с программой по открытию центра для реабилитации наркозависимых, естественно, с американской программой и, что было для него очень важно, с договорённостью по её финансированию (он мог бы найти спонсоров в любой другой стране Западной Европы, возможно, в Канаде или в Австралии, но так получилось, что нашёл среди американских религиозных структур). Здесь нужно уточнить: если вначале, когда по неопытности всё закончилось трагической смертью Наташки, верующие действовали исключительно по порыву сердца, из желания помочь людям, попавшим в наркотическую зависимость, то теперь действиями пастора Януса руководила мощная организация, имеющая не просто большие, а огромные средства и через программу реабилитации наркоманов стремящаяся достичь каких-то своих целей.

– После той поездки пастор Янус переменялся и внешне, и внутренне, – после короткого кофейного перерыва продолжил свой рассказ Степаныч. – Внешне мне бросилось в глаза, что он перестал, как говорится, считать деньги. А вну-

тренне... нет, он не стал более грубым или недоступным, он по-прежнему внимательно выслушивал приходящих к нему людей, но выслушивал их уже с таким внутренним превосходством, как у... – даже не знаю, какую подобрать аналогию? Пожалуй, подойдёт такая: с таким внутренним превосходством над собеседником, какое в Средние века испытывал переодетый простолюдином член могущественного тайного ордена, когда беседовал с обычным крестьянином. Но что-то я отвлёкся от темы. Итак, центр по реабилитации наркозависимых, а короче, Реабилитационный центр, или Центр. Сначала пастор Янус выкупил пустующую базу отдыха, потом ещё какие-то здания – точно не знаю, а потом было, как в твоём, Николай, рассказе: за мизерную зарплату призвали из церкви работников, с месячишко обучали их и набрали первую группу наркоманов, потом ещё одну группу, потом ещё. Но, повторяю, в этот раз спонсорская поддержка не только не иссякала, а, наоборот, с каждым годом увеличивалась.

– Американская спонсорская поддержка, – уточнил я.

– Естественно, американская, какая же ещё? – подтвердил Степаныч и продолжил повествование: – Как я слышал, за три года Центр отладил «конвейер» реабилитации и значительно расширился: появилась своя хлебопекарня, выпускающая булочки и пельмени, своя пошивочная мастерская. Клиенты, или лучше назову их «студенты», проходящие программу реабилитации, сам понимаешь, утруждать себя какой-либо работой не привыкли, поэтому пришлось набирать ещё работников из членов церкви. Для привлечения новых спонсорских пожертвований нужно было набирать всё новые и новые группы «студентов». И по инициативе Януса была развёрнута широкая рекламная кампания: в почтовых ящиках всех жителей города периодически стали появляться брошюры и листовки с призывом пройти курс реабили-

тации в этом Центре. Так прошло ещё семь лет, а потом... Любая активная деятельность и широкая известность – это «палка о двух концах». И «вторым концом» стали неприятности, которые обрушились на директора Реабилитационного центра и на пастора Януса. Началось всё с того, что несколько человек из тех, кто видел изнутри, как происходит так называемая реабилитация, начали писать в разные инстанции возмущённые письма; начался сбор подписей с требованием закрыть программу, как антигуманную. Затем подключилась пресса. А потом и органы власти заинтересовались, что это за центр такой? Как только начались проверки, директор вместе с женой уехал за границу. А Янусу такой вариант не подходил: если он закроет Реабилитационный центр и уедет, то не только потеряет прибыль, но ещё и отвечать придётся перед заокеанскими «благотельями» за потраченные деньги. Оставалось только выкручиваться в различных инстанциях да оправдываться в судах. Но, как понимаешь, Николай, долго пребывать в таком неопределённом состоянии пастору было нельзя, нужно было любой ценой добиться прекращения расследования. Любой ценой.

– А потом? Потом закрыли всё-таки Реабилитационный центр или нет? – не утерпел я в ожидании развязки.

– Зачем спрашиваешь? Мог бы и сам догадаться, что примерно через год я снова увидел в своём почтовом ящике рекламные проспекты с приглашением пройти курс реабилитации в их Центре.

– По самой поверхностной прикидке получается, что Реабилитационный центр, о котором ты рассказывал, за десять лет обошёлся американцам уже даже не в десятки, а в сотни тысяч долларов, – удивился я своему открытию.

– Меня тоже смущает, почему какие-то неизвестные нам американцы готовы тратить сотни тысяч долларов на созда-

ние и содержание центра по реабилитации наркоманов в далёком сибирском городе, о котором и из россиян-то мало кто слышал? Не «за спасибо» же они вливают сюда такие деньги? Значит, у них есть свой интерес – хотелось бы узнать, что это за интерес? – подхватил Степаныч мой комментарий, как будто тоже думал об этом.

– О том, кто конкретно дал команду на сбор средств для пастора Януса, мы с тобой вряд ли когда узнаем. А вот над вторым вопросом: «Чьи интересы продвигаются в реабилитационных центрах?» – можно покумекать. Но прежде чем «кумекать», нужно собрать детальную информацию по данному вопросу и проанализировать её. Итак, что мы знаем?

– Не мы, а вы, – перебил меня товарищ, довольный тем, что удалось к месту вставить фразу из популярной комедии.

– Хорошо, для начала, расскажу, что знаю, – сделав вид, будто не заметил его каламбура, тут же согласился я. – Во-первых, нужно обратить внимание на то обстоятельство, что заокеанские спонсоры жертвуют деньги не вообще российским протестантским церквям и не на гуманитарную помощь для нуждающихся стариков и инвалидов, а только на определённые программы, такие как протестантские библейские школы и протестантские реабилитационные центры. Ключевым словом здесь является «протестантские». А общей чертой этих спонсорских программ является то, что они предназначены для привлечения и последующего интенсивного наставления в течение довольно длительного срока (не меньше года) молодых и честолюбивых людей, я бы даже сказал, амбициозных людей. Во-вторых... а что «во-вторых», вот так с ходу сказать не могу, тут нужно кое-что сопоставить. Мне сейчас на память пришла одна история, давай я её расскажу, а там видно будет. Начну по

порядку: к нам в православную церковь ходит довольно обеспеченный человек, так вот, он как-то упомянул, что пришёл сюда после того, как протестантский служитель, завлекая его к себе в церковь, подарил футболку с надписью «The United States of Siberia» – по-русски это значит: «Соединённые Штаты Сибири». Миссионеры, которые привезли такие «сувениры», приехали тогда не только с футболками, они навезли ещё кучу американских и канадских флажков, много значков и прочих разных ярких безделушек со своей государственной символикой и надписями на английском языке, а ещё привезли много ярких детских книжек с картинками. Книжки были на библейскую тематику, естественно, на русском языке, но кто проверял, что кроме учения Христова там ещё подспудно внушалось ребятишкам?

– Я видел, с каким восхищением дети членов нашей церкви разбирали, даже расхватывали такие подарки, – грустно заметил Степаныч. – Дело было в серые и голодные девяностые годы, когда мы не то что месяцами, а годами не получали зарплаты...

– Теперь, после того, как рассказал историю, кажется, я определился с тем, что является «во-вторых», – встрял я в воспоминания друга. Дело в том, что протестантским религиозным структурам нужно не только привлечь к себе людей, но и удержать их у себя, а ещё лучше, сделать своими адептами или даже ревностными агитаторами – ради такого денег не жалко. А протестантские центры по реабилитации наркозависимых – это идеальное место для достижения таких целей. Приходящим туда людям сначала помогают избавиться от химической ломки, и потом, когда они проникнутся доверием к своим благодетелям, им начинают изо дня в день втолковывать, что это Бог им помог и что только в этой церкви истинная вера во Христа, а во всех остальных Христианских деноминациях – ересь и идолопоклонство,

особенно в Русской Православной Церкви. Если учесть, что большинство наркоманов являются людьми, с одной стороны, разочаровавшимися в своей жизни, а с другой стороны, не знающими ни своей национальной культуры, ни православных духовных ценностей, то ясно, что им легко можно внушить любое учение. Таким образом, во-вторых, или вторым обстоятельством, на которое нужно обратить внимание, является то, что в протестантских реабилитационных центрах «студентов» в течение года настойчиво приучают к мысли, что только в протестантских церквях (читай: «только в этой протестантской церкви, только у этого пастора») истинное поклонение Богу.

– Те, кто видел библиотеку Реабилитационного центра, – поддержал и одновременно продолжил мои рассуждения Степаныч, вспоминали как само собой разумеющееся, что она заполнена, просто заполнена книгами западных авторов, таких как Дерек Принс, Бенни Хинн, Ульф Экман и подобных им. А если и попадались русские авторы, то, как правило, это были харизматы – ученики вышеперечисленных иностранцев, что лишь усугубляло картину. Как понимаешь, Николай, даже не начитавшись, а только насмотревшись в течение года на корешки книг в библиотеке Центра, «студенты» волей-неволей начинали думать, что лишь эти книги являются духовной литературой.

Задетый за живое, взволновавшись от слов Степаныча, я воскликнул:

– Не скрою, что догадывался о том, что в библиотеке протестантского реабилитационного центра не будет книг Иоанна Кронштадтского или Феофана Затворника, но чем им не угодили Апостол Варнава и Игнатий Богоносец или, например, Иоанн Златоуст и Григорий Богослов? Не говорю уже о том, как они – русские люди – могут считать себя хоть

мало-мальски образованными, не читая Пушкина, Гоголя, Толстого, Чехова, Достоевского, Булгакова, Солженицына и других классиков?

– Но ты же понимаешь, что зарубежные «спонсоры» вкладывают деньги в реабилитационные центры здесь, в России, не для того, чтобы выходили из них высококультурные и высокодуховные люди, которые способствовали бы процветанию нашей страны.

– Это будет уже «в-третьих», то есть третьим обстоятельством, на которое нужно обратить внимание, чтобы выяснить ответ на вопрос: «Чьи интересы продвигаются в реабилитационных центрах прозападного образца?» – возвратился я к теме нашего исследования. – Итак, на основании первых трёх факторов можно сделать вывод, что «спонсоры» преследуют в нашей стране две цели: первую – видимую и понятную для всех – это добиться того, чтобы наркоманы в течение какого-то времени не употребляли наркотики, и вторую цель – скрытую от посторонних – это воспитать адептов западных духовных и моральных ценностей (величая их истинными Христианскими ценностями), которые не только не знали бы своей культуры и православной духовности, но и презирали бы их.

– Я слышал, что пастор Янус, когда предлагал создать при церкви реабилитационный центр именно американского типа, ссылаясь на книгу «Крест и нож», написанную Давидом Вилкерсоном, – изрёк Степаныч тоном, означающим, что и дальше речь пойдёт о чём-то важном. – При этом пастор настойчиво внушал, что в книге рассказывается о наркоманах и о создании реабилитационных центров. И что удивительно, все, даже те, кто прочитал её, поверили его внушению. Поверили, несмотря на то, что своими глазами видели, что она вовсе не о наркоманах как таковых, а о латиноамериканцах, живших в США, про то, что они

были чужды американской культуре, государственным и духовным ценностям, более того, ненавидели всё это. И вот, движимый Святым Духом, пастор явил пред ними истинного американца и истинного христианина. В книге рассказывается, что через уважение к человеку у людей зародилось уважение к стране. Так возникла и потом стала шириться плеяда уже своих латиноамериканских патриотов Америки, а те из них, кто принял обличение Святого Духа, покался и уверовал в Иисуса Христа, стали христианами. Представляешь, какое коварство! Взяв от доброго его внешнюю оболочку, но наполнив её другим, я бы даже сказал – противоположным духовным содержанием, люди, называющие себя последователями Вилкерсона, отлучают сейчас в нашей стране её граждан от своих корней, от российских духовных ценностей. Воистину, эти люди заслуживают того, чтобы называть их слугами дьявола, ибо они, взяв повод от доброй заповеди, через неё обольстили и даже уже умертвили многие души.

– То, о чём ты сейчас рассказал, можно назвать даже не четвёртой, а первой причиной (ибо она духовная), которой руководствуются заокеанские «спонсоры», когда щедрой рукой жертвуют деньги на создание у нас реабилитационных центров американского типа и на создание у нас американских библейских школ. Они находят среди российских пасторов тех, кто, как Иуда, готов ради их денег предать свои национальные и духовные ценности и с их помощью возвращают в протестантских церквях подобных себе «Иуд» и «Антивилкерсонов». Тот факт, что западные спонсоры дают свои деньги не всяким пасторам протестантских церквей, а только тем из них, которые ради их денег предали культурные и духовные ценности своего народа, предали истинное учение Иисуса Христа и стали прославлять гуманизм и харизматические ценности, явля-

ется вторым аргументом, подтверждающим правоту твоих слов, – сделал вывод уже не он, а я.

Степаныч не удержался и внёс эмоциональное дополнение к моему заключению:

– Да, западные спонсоры ищут среди наших протестантских пасторов тех, кто готов за их «серебряники» научить церкви и преуспеванию, то есть, по сути, служению мамоне, и положительному исповеданию, то есть, по сути, самовнушению, а также толерантности, то есть, по сути, лояльному отношению к тому, что сейчас во многих западных церквях легализована содомия.

Когда сердитость в душе Степаныча утихла, я продолжил:

– Ну а дальше уже всё элементарно: после того, как «студентам» втолковали, что американские спонсоры добрые (целый год их кормили-поили), после того, как их научили, что правильной является только протестантская религиозная формация (причём западного образца), после года беззаботной тепличной жизни нужно лишь вытолкнуть людей, прошедших курс так называемой реабилитации, в реальную жизнь с её настоящими сложностями и горестями. Так как зарабатывать себе на хлеб насущный честно, в поте лица эти «выпускники» не привыкли, то многие из них сами попросят покровительства у своих благодетелей: вот вам и новое пополнение идейно накаченных и преданных своему работодателю (назад, на улицу, они ведь не хотят) работников на религиозно-идеологической ниве!

– Это ещё один аргумент, подтверждающий истинность твоих слов о том, что реабилитационные центры западного образца создаются на базе наших протестантских церквей вовсе не с благими намерениями, – уже я вошёл во вкус и стал не критиком своего друга, а его помощником.

– Получается, по поговорке: «Кто платит, тот и музыку заказывает», – мой друг подвёл краткий, но точный итог на-

шему исследованию того, чем руководствуются западные спонсоры, жертвуя большие деньги на свои реабилитационные центры у нас в России. – Потом продолжил: – Но у тебя, Николай, остался ещё один вопрос, на который нужно дать ответ: если западные спонсоры – как теперь мы выяснили, движимые лукавым сатанинским духом «спонсоры» – оплачивают, то есть, по сути, создают у нас реабилитационные центры для того, чтобы возвращать в них приверженцев своего учения, то всё равно непонятно, при чём здесь майки с надписью «Соединённые Штаты Сибири» и при чём здесь американские детские флажки?

– Учитывая, что, действуя на территории России, западные протестантские миссионеры довольно редко раздают флажки и сувениры, я думаю, что всё это является лишь рекламным трюком. А вот майки с надписью «The United States of Siberia» – это уже серьёзно. Это уже заявка на то, что они готовы не только передать нам свои духовные ценности, но и согласны включить принявших эти ценности в сферу американских государственных интересов.

– Да-а, – просипел себе под нос Степаныч, – теперь мне стало совсем понятно, почему Янус с таким отчаянным усердием бился за сохранение в нашем городе реабилитационного центра именно американского образца. Он бился за американское потому, что предал культурные и духовные ценности своего народа и стал наёмником западных религиозных структур, нацеленных не столько на благовестие Христово, сколько на то, чтобы под прикрытием благовестия, насаждать у нас свои духовные ценности и своё миропонимание. – Потом, по-старушечьи подперев щеку ладошкой, с печальным видом произнёс: – Религиозный центр, выпускающий не просто «Иванов, родства не помнящих», а безумцев, наученных тому, что, чтобы быть христианином, нужно отвергнуть духовные ценности своего народа, отвергнуть

духовные ценности Православия. Знаешь, Николай, я сейчас вспоминаю твой рассказ и уже не могу сказать, какое из двух зол хуже – или то зло, когда из-за отсутствия денег закрылся реабилитационный центр и Наташка в отчаянии из-за своего отступничества и из-за неумышленного убийства подруги покончила жизнь самоубийством, или то зло, когда на западные деньги из года в год возвращаются десятки, сотни молодых людей, в ослеплении отвергнувших свои корни и свои национальные ценности. Более того, накачанных гордыней, что они аж целый год не принимали наркотики и что стали причастны к так называемым «Великим Американским Ценностям».